

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ Н.В. ГОГОЛЯ)

Статья рассматривает проблемы интерпретации наиболее сложных феноменов культуры (текстов художественной литературы) на примере интерпретации текстов Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: текст, интерпретация, художественное произведение, структура, знак, код, Н.В. Гоголь.

N.V. Khudoley

THE PECULIARITIES OF FICTION TEXT INTERPRETATION (ON THE EXAMPLE OF N.V. GOGOL TEXT INTERPRETATION)

The issues of the most difficult cultural phenomena interpretation (fiction texts) on the example of N.V. Gogol text interpretation are considered in the article.

Key words: text, interpretation, work of fiction, structure, sign, code, N.V. Gogol.

Проблема интерпретации текста – одна из фундаментальных в истории культуры. Тема интерпретации не нова и в науке, а проблема множественности смысла сегодня является междисциплинарной. В исследовании текста, который рассматривается как «означающая совокупность» (Рикер, Леви-Строс), обладающая определенной степенью сложности, сочетаются феноменологический, психологический, литературно-критический подходы. Поскольку проблема текстовой интерпретации признана междисциплинарной и способна решаться с привлечением наиболее успешного опыта разных наук, школ и направлений, то в этом отношении культурология как пограничная область современной науки, изначально тяготеющая к междисциплинарности, к методологическому и фактологическому синтезу накопленных разными науками знаний и навыков, представляет наиболее удобную площадку. Более того, «работая» на проблемном поле других гуманитарных наук, культурология осуществляет контекстуализацию актуальнейших... проблем, рассматривая их и как фактор, и как результат многообразных детерминаций. Интерпретируя проблемы в границах своего метода, она придает им глубину и перспективность решения. ...Специфика метода понимания и интерпретации позволяет включать в предметное поле различные социально-культурные феномены («тексты культуры»), выступающие объектом анализа других социально-гуманитарных наук (например, художественный текст, который является объектом и литературоведения, и лингвистики, и психологии, и истории)» [8, с. 83–84].

Вопрос текстовой интерпретации прочно вошел в проблемное поле культурологии. Культурологическое исследование связано с работой с текстом. С точки зрения культурологии текст – все, что создано искусственно, система знаковых элементов, обладающая способностью передавать смысл. Исследование текста базируется на семиотике культуры, где культура понимается как совокупность знаково-символических систем – текстов.

Мы полагаем, что проблемы интерпретации особенно сложны в отношении текстов художественных произведений.

Вслед за Ю.М. Лотманом мы считаем, что текст художественного произведения представляет собой сложную многоуровневую систему – семиосферу, образованную многочисленными знаковыми структурами – семиотиками. Семиотики крупного плана состоят из семиотических подсистем – уровней организации художественного произведения. Структурно-семиотический анализ текста художественного произведения основан на отношениях между разноразмерными знаковыми образованиями и выявляет структурные отношения, лежащие в основе произведения – логические, ясные и доказуемые. Свойства знаков в этом случае определяют возможность прочтения текста и его интерпретации. Кроме того, возможность текстовой интерпретации связана с функциональными особенностями текста.

Однако, являясь знаковым по своей сути, текст любого художественно-литературного произведения обладает идейно-эстетическим замыслом, который не сводится к сумме значений используемых знаков.

В семиотическое пространство текста художественного произведения в качестве элементов целостной системы семиосферы входят также его автор, современники, к которым он обращается через

текст своего произведения, и отдаленные временем интерпретаторы. Таким образом, текст представляет собой целостную совокупность авторских, читательских и интерпретаторских индивидуализированных, социально-культурных и временных кодов, взаимодействие которых ведет к возникновению новых смыслов и дает возможность для множественных текстовых интерпретаций. Вокруг текста формируется подвижное смысловое пространство, меняющееся в зависимости от того, какие культурные коды будут актуальными на определенном историческом этапе.

Поэтому, если взять за основу текстовой интерпретации структурно-семиотический анализ, опирающийся на знаковую природу текста художественного произведения, то в стороне окажется его жизненная основа, и исчезнет возможность «проникнуть через истолкование означаемых в трудноуловимую, эмоционально-психологическую жизненную подпочву произведения и в общественно-историческую действительность, его породившую» [10, с. 28–29]. Интерпретация текстов художественных произведений должна основываться не только на выявлении структурно-семиотических основ текста и их анализе, но и на «вживании» в текст произведения, т.е. опираться на возможность «объективного анализа, ориентированного на доказуемую истину, и субъективного переживания исходных данных этого анализа» [10, с. 11].

Вариативность интерпретации текстов художественных произведений можно проиллюстрировать на примере различных подходов к текстам произведений Н.В. Гоголя, одного из наиболее загадочных авторов мировой литературы, который вместе с тем является ключевой фигурой российской культуры.

Попытки интерпретировать Гоголя предпринимались с самого начала его литературного поприща и не оставлены до сих пор. Когда в начале XX века отечественное литературоведение обратилось к изучению и интерпретации творческого наследия Н.В. Гоголя, то в центре внимания исследователей оказались два основных аспекта: стилистика и поэтика писателя. У истоков проблемы стиля стояли И. Мандельштам и В.В. Розанов. И. Мандельштам [12] провел скрупулезный стилистический анализ языка Гоголя, подробно расписал гоголевские сравнения, эпитеты, украинизмы, установил, какими языковыми средствами достигает писатель юмористического эффекта и индивидуализации персонажей. Однако сама гоголевская индивидуальность, которая должна была явиться первоисточником при анализе авторских стилистических приемов, была оставлена в стороне. Другим путем шел В.В. Розанов, сумевший увидеть тесную связь стиля гоголевских произведений с психологией писателя, с особенностями его «странной, непонятной» души: «Стиль автора ... связан с духом автора и выражает этот дух» [17, с. 274]. Таким образом, заслуга Розанова заключается в том, что он увидел непосредственную связь творчества Гоголя с его мироощущением.

Вслед за В.В. Розановым увидели соотношение между созданным Гоголем художественным миром и психологией писателя В. Брюсов [4], А. Белый [3], Ин. Анненский [1]. Так, В. Брюсов, занимаясь стилистическим анализом гоголевских гиперболических рассуждений, рассматривал их в связи с характерной для гоголевской психики склонностью к крайностям, преувеличениям: «Сущность гоголевской души – это гипербола, склонная все видеть в увеличенном размере: и достоинства, и недостатки» [4, с. 78].

Однако уже с середины второго десятилетия XX века наметился отказ от видения прямой связи гоголевского стиля с особенностями его мироощущения. В новой стадии изучения гоголевского стиля можно различить два направления.

К первому направлению относятся исследователи, сосредоточившие свое внимание на анализе художественных приемов в произведениях Гоголя вне связи с идейными, духовными исканиями автора. Сюда относятся, например, работы «опоязовцев» Б. Эйхенбаума [21], В. Шкловского [20]. Однако главным недостатком «формалистов» было то, что они сосредоточили внимание только на мастерском стиле гоголевских произведений, между тем как другая грань мастерства Гоголя-психолога, знатока человеческих душ, осталась в стороне. Стиль, выступавший у «формалистов» на первый план, заслонил собой идейную проблематику произведений Гоголя. Ко второму направлению относятся те исследователи, которые взяли за основу анализа художественных форм творчества Гоголя социологическое начало. Одним из первых, кто указал на связь гоголевских произведений с социальной средой, был В.Ф. Переверзев. В своей работе, посвященной творчеству Гоголя [15], автор отмечает, что «связь произведений Гоголя с его личностью, окружающей литературой, с историческим моментом, – всё исследовали критики, и только связь с социальной средой оставили в стороне» [15, с. 43], в то время как «... коренные особенности и черты этих произведений только и могут получить своё объяснение на основе социологической» [15, с. 45]. В ранних произведениях Гоголя автор работы выделил две стихии – стихия казачества и мелкопоместная. Из особенностей этих стихий В.Ф. Переверзев старается объяснить и формы стиля. Несомненно, такой прямолинейный подход ограничивал видение всей глубины художественного мира гоголевских произведений. Однако принцип подведения социологической базы под прозу писателя становится ведущим при последующем обращении литературоведов к изучению художественных произведений Гоголя.

Не будем утверждать, что все советские литературоведы полностью отказывались видеть гоголевскую индивидуальность. Так, например, В.В. Гиппиус в своей работе [6] говорит, что хотя «основным заданием Гоголя было воссоздание... народной жизни», но при этом он обращает внимание и на «религиозно-моралистические идеи», осложнившие «демократический характер творчества Гоголя» [6, с. 69]. Заметим, что написанная ранее работа В.В. Гиппиуса «Гоголь» (1924) рассматривала в совокупности личную и художественную историю Гоголя, а произведения классика были «прикреплены» к его душевному миру. Психологизм, отмеченный В.В. Гиппиусом в ранней работе о Гоголе, частично перешел в его дальнейшие исследования по творчеству писателя.

Однако в целом попытки исследователей сосредоточить внимание на мироощущении писателя как-то терялись, растворяясь в мощной струе идеологического анализа. В течение длительного периода времени творчество Гоголя рассматривали как творчество писателя-реалиста, отразившего «прогрессивные стремления русского общества, настроения и чаяния своего народа» [19, 7, 18]. Гоголя интерпретировали как гениального сатирика, чьё творчество явилось «значительным действенным фактором в росте передовой общественной мысли, в формировании революционных сил общества» [19, с. 4]. А между тем Гоголь являлся не только сатириком, изображающим «пороки крепостнической действительности». Такой интерпретационный подход сужал взгляд на проблематику его произведений, заставлял видеть только одну их сторону. Творчество Гоголя было сложным, многогранным, каковой являлась и личность писателя. Гоголь не был только сатириком, но был также глубочайшим знатоком человеческой психологии, писателем с религиозными взглядами, творцом-философом. И эти грани его творчества отечественное литературоведение очень долго оставляло на периферии, между тем как за рубежом они вызывали у исследователей живейший интерес.

Так, получившая популярность теория З. Фрейда положила начало психоаналитическому методу, отразившемуся в работах немецких литературоведов [9]. Опираясь на эту теорию, они пытались извлечь из гоголевской биографии те факты, которые бы соответствовали учению Фрейда. Неудивительно, что анализ гоголевских произведений, выполненный с таких позиций, выглядел несколько неестественно, а иногда наблюдалось откровенное непонимание личности автора и его произведений.

Серьёзные и основательные труды по исследованию гоголевской поэтики появились в отечественном литературоведении в 70-е и особенно в 80-е годы прошлого века. Большой вклад в её изучение внесли Ю.В. Манн [11] и С.И. Машинский [13].

С.И. Машинский, идя путём идейного анализа, затрагивает и духовный мир Гоголя. Он прослеживает то, как отразилась удивительная личность писателя в его произведениях, и в этом несомненная заслуга работы Машинского. Ю.В. Манн сосредоточил внимание на некоторых важных гранях гоголевской поэтики. Исходя из понимания поэтики как науки «о формах, видах, средствах и способах организации произведений словесно-художественного творчества, о структурных типах и жанрах литературных сочинений, стремящейся охватить не только явления поэтической речи, но и самые разнообразные стороны строя произведений литературы и устной народной словесности» [11, с. 3], Ю.В. Манн выделил такие структурные элементы поэтики, как композиция, сюжетосложение, принципы характеристики персонажей, а также проследил соотношение реального и фантастического в творчестве Гоголя, рассмотрел некоторые особенности личности писателя. Книга Ю.В. Манна, отразившая основные грани гоголевской поэтики, стала «базовой» для дальнейшего изучения Гоголя.

Однако интерпретационная методология, разработанная отечественными исследователями в советское время, в целом носила идеологический характер и была полна избитых советских штампов, которые позволяли трактовать произведения Н.В. Гоголя в основном как социальную сатиру, обличающую и высмеивающую пороки и недостатки российского общества XIX века и не имеющую прямой связи с реалиями XX века. Ранние произведения Гоголя (сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки», повесть «Вий») долго считались едва ли не «сказками», а между тем именно в ранних его произведениях впервые зазвучала та глубочайшая тематика, которая получила дальнейшее развитие в его зрелом творчестве. Из весьма далекого для нас времени Гоголь смог увидеть Россию такой, какой она остается и сегодня. Он увидел человеческое легкомыслие, безверие, отсутствие побуждающих к действию нравственных ориентиров и полное непонимание важности нашей земной жизни, определяющей судьбу души в ином мире. Все это Гоголь сумел прочувствовать, пережить и донести до читателей. Видение же гоголевских произведений исключительно сквозь идеологическую призму лишало читателей возможности по-настоящему «вжиться» в тексты русского классика и открыть для себя их смысловые глубины, приобщиться к ним. В результате интерес к произведениям Гоголя стал постепенно угасать. Поэтому возвращение в отечественное литературоведение написанных ещё в начале XX века, но незаслуженно забытых работ А. Ремизова [16] и

новых трудов Д. Мочульского [14], Ю. Барабаша [2] и В. Воропаева [5], освещающих особенности гоголевского мировоззрения, позволило интерпретаторам по-новому взглянуть на художественные произведения Гоголя, учитывая «многоплановость» его духа, получившую выражение в многоаспектности его творчества. Современный читатель получил возможность вновь открыть для себя Гоголя и вероятность духовного роста через обращение к его произведениям.

Возможности интерпретации текстов произведений Н.В. Гоголя широки. Каждое новое поколение интерпретаторов очень проникновенно и всякий раз по-своему всматривается в его тексты, открывая необозримые глубины смыслов. Романтик, фантаст, мистик, юморист, реалист, сатирик, фольклорист, духовный наставник, религиозный мыслитель, философ, провидец – и это далеко неполный перечень тех эпитетов, которыми интерпретаторы в разное время наделяли Н.В. Гоголя. Каждый из эпитетов включает в себе как долю истины, так и неуловимость, непостижимость чего-то очень важного, ту магию, которая всегда будет делать тексты Гоголя актуальными.

Литература

1. *Анненский Ин.* Эстетика "Мертвых душ" // Книги отражений / под ред. *Н.Т. Ашимбаева*. – М., 1979.
2. *Барабаш Ю.Я.* "Верный путь в тесные врата": над страницами "Выбранных мест из переписки с друзьями" Гоголя // Наука и религия. – 1991. – № 4. – С. 45–49.
3. *Белый А.* Гоголь // Символизм как миропонимание. – М., 1994.
4. *Брюсов В.* Испепеленный // Собр. соч.: в 7 т. / под ред. *П.Г. Антокольского*. – М., 1976. – Т. 6.
5. *Воропаев В.А.* Три этюда о Гоголе (из архивных разысканий) // Гоголь и современность. – М., 1985. – С. 434–469.
6. *Гиппиус В.В.* Творческий путь Гоголя // От Пушкина до Блока. – М.; Л., 1966.
7. *Жданов В.В.* Гоголь. Очерк жизни и творчества. – М., 1959.
8. *Запесоцкий А.С., Марков А.П.* Современная культурология как научная парадигма // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 76–87.
9. *Зейдель-Дреффке Б.* Гоголеведение и психоанализ. История и современность // Русская литература. – 1992. – № 3. – С. 12–29.
10. *Кнабе Г.С.* Семиотика культуры: конспект учебного курса. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2005.
11. *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. – М., 1979.
12. *Мандельштам И.Е.* О характере гоголевского стиля // <http://dic.academic.ru>.
13. *Машинский С.И.* Художественный мир Гоголя. – М., 1988.
14. *Мочульский Д.* Духовный путь Гоголя // Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М., 1994.
15. *Переверзев В.Ф.* Творческий путь Гоголя // Гоголь. Достоевский. Исследования: автор. сб. – М., 1982.
16. *Ремизов А.* Огонь вещей. – М., 1989.
17. *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария с приложением двух этюдов о Гоголе // Избранное. – М., 1989.
18. *Степанов Н.Л.* Гоголь. Творческий путь. – М., 1959.
19. *Храпченко М.Б.* Творчество Гоголя. – М., 1954.
20. *Шкловский В.Б.* О теории прозы. – М., 1983.
21. *Эйхенбаум Б.М.* Как сделана "Шинель" Гоголя // О прозе. – Л., 1969.

